

А.Н. Воробьев*

**ВЫСЕЛЕННЫЕ «ТУНЕЯДЦЫ»
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1961–1965 ГОДАХ:
МЕЖДУ ИНТЕГРАЦИЕЙ И ИЗОЛЯЦИЕЙ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-17
УДК 94(47).084.9*Выходные данные для цитирования:
Воробьев А.Н. Выселенные «тунеядцы» в Красноярском крае в 1961–1965 годах:
между интеграцией и изоляцией // Исторический курьер. 2025. № 5 (43).
С. 195–206. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-17.pdf>*

A.N. Vorobyev*

**EVICTED “PARASITES”
IN KRASNOYARSK KRAI IN 1961–1965:
BETWEEN INTEGRATION AND ISOLATION**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-17

*How to cite:
Vorobyev A.N. Evicted “Parasites” in Krasnoyarsk Krai in 1961–1965: Between
Integration and Isolation // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 195–206.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-17.pdf>]*

Abstract. The article examines the situation of evicted “parasites” in Krasnoyarsk Krai in 1961–1965 in the context of changing norms and practices of social control during the thaw period. The implementation of the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “On strengthening the fight against persons evading socially useful work and leading an antisocial parasitic lifestyle” of May 4, 1961, led to the eviction of more than nine and a half thousand “parasites” to Krasnoyarsk Krai in the period 1961–1965. The decree attempted to combine the repressive idea of the need to evict “malicious parasites” with the concept of their re-education by society through forced inclusion in work collectives at the place of settlement. It was not possible to implement the strategy of reintegration of “parasites” due to the lack of a well-thought-out system of adaptation and re-education of settlers. The public and local leaders tried to distance themselves from issues related to the “parasites”, trying to shift all the work to the police. In turn, the police failed to ensure the proper level of administrative supervision of the evicted, as a result of which many “parasites” continued to engage in the same “antisocial” activities in the places of settlement for which they were evicted. It was concluded that the conditions that developed in the places of settlement led to the intensification of the processes of social marginalization and an even greater expulsion of “parasites” to the periphery of Soviet society.

Keywords: parasites, social control, deviant behavior, forced labor, forced relocation, Krasnoyarsk Krai.

*The article has been received by the editor on 23.07.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается положение выселенных «тунеядцев» в Красноярском крае в 1961–1965 гг. в контексте изменяющихся норм и практик социального контроля периода хрущевской оттепели. Реализация Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г. привела к выселению в Красноярский край более девяти с половиной тысяч «тунеядцев» в период 1961–1965 гг. Указ пытался соединить репрессивную идею о необхо-

* **Алексей Николаевич Воробьев**, магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: politscience@mail.ru
Alexey Nikolaevich Vorobyev, Master’s Student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: politscience@mail.ru

димости выселения «злостных тунеядцев» с концепцией их перевоспитания общественностью посредством принудительного включения в трудовые коллективы по месту поселения. Реализовать стратегию реинтеграции «тунеядцев» не удалось из-за отсутствия продуманной системы адаптации и перевоспитания поселенцев. Общественность и местные руководители старались дистанцироваться от вопросов, связанных с «тунеядцами», стремясь всю работу переложить на органы милиции. В свою очередь органам милиции не удалось обеспечить должный уровень административного надзора за выселенными, в результате чего многие «тунеядцы» продолжали в местах поселения заниматься той же «антиобщественной» деятельностью, за которую были выселены. Сделан вывод о том, что сложившиеся условия в местах поселения приводили к интенсификации процессов социальной маргинализации и еще большему выталкиванию «тунеядцев» на периферию советского общества.

Ключевые слова: тунеядцы, социальный контроль, девиантное поведение, принудительный труд, принудительные переселения, Красноярский край.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025 г.

Введение. Представления высшего руководства СССР о возможностях и методах форсированного построения коммунизма и связанная с этим борьба с «пережитками прошлого» привели к принятию 4 мая 1961 г. Указа ПВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (более известного как Указ о тунеядстве)¹. Согласно данному указу лица, признанные «антиобщественными паразитическими элементами» по постановлению народного суда или же на основании общественного приговора, утвержденного исполкомом Совета депутатов трудящихся, подвергались выселению в «специально отведенные местности» на срок от двух до пяти лет с обязательным привлечением к труду.

Исследования, основанные на источниках из федеральных архивов и опубликованные в последние два десятилетия, значительно обогатили наши знания о ходе разработки указа, влиянии на этот процесс различных контекстуальных факторов и роли конкретных акторов и возникавших при этом дискуссий, а также реализации указа и его результатах². Однако недостаточно изученным представляется региональный опыт реализации указа и в первую очередь ситуация в тех регионах, которые волею властей стали «специально отведенными местностями», принявшими самую масштабную волну принудительного переселения за весь постсталинский период советской истории³. Красноярский край принял около четверти всех выселенных в РСФСР «тунеядцев», став одним из регионов-лидеров по данному показателю, поэтому рассмотрение положения выселенных «тунеядцев» в нем важно как с точки зрения

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г. // Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. М., 2010. С. 581–583.

² Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008; Зубкова Е.Ю. Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 26–35; Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118; Gorlizki Y. After the 20th Congress: Liberalization and the Problem of Social Order // Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State. Toronto, 2023. P. 237–262; Tolmachev V. From rhetoric to practice: Drafting and implementation of the Soviet “anti-parasite” legislation in its socio-economic, legal, ideological and cultural contexts. Master’s Thesis, University of Nottingham, 2015.

³ Исключение составляет работа Л.А. Крушановой, в которой затронута проблема выселенных «тунеядцев» в Хабаровском крае. См.: Крушанова Л.А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. Владивосток, 2014. С. 122–128.

региональной истории, чтобы осветить неизученные ранее сюжеты, так и с точки зрения более комплексного анализа указа как инструмента социального контроля.

Целью статьи является исследование положения выселенных «тунеядцев» в Красноярском крае в 1961–1965 гг. в контексте изменяющихся норм и практик социального контроля периода хрущевской оттепели». Хронологические рамки исследования охватывают период с 1961 по 1965 г. Нижняя граница обусловлена фактом принятия указа – 4 мая 1961 г., после чего началось выселение граждан в Красноярский край. Верхняя граница обусловлена тем, что в 1965 г., после смены политического руководства страны, изменилась государственная политика в отношении «тунеядцев» и были внесены корректировки в указ, согласно которым судебный порядок выселения сохранялся только для Москвы, Ленинграда и Московской области⁴. Основными источниками исследования выступают документы из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и Национального архива Республики Хакасии (НАРХ). Также использовались опубликованные и неопубликованные документы из федеральных архивов, материалы периодической печати и документы личного происхождения.

«Указ о тунеядстве» в контексте изменяющихся норм и практик социального контроля. Нормы и практики социального контроля, характерные для периода оттепели, являлись результатом противоречивого смешения различных тенденций и стратегий в отношении «социальных аномалий». С одной стороны, высшее руководство страны стремилось отойти от сталинских методов и переформатировать политику в отношении маргинальных групп населения, основываясь на принципах гуманизма, включения и реинтеграции маргиналов в советское общество, увеличения роли профилактики и перевоспитания, при этом главным субъектом в отношениях с маргиналами должна была стать «общественность»⁵. Также в правоохранительном дискурсе главенствующей становилась возрожденная идея «социалистической законности», что проявилось в увеличении роли прокурорского надзора, стремлении не допустить внесудебных преследований и т.д. Но в то же время представления эпохи сталинизма о репрессиях и изоляции как о базовых подходах по отношению к маргиналам были в достаточной степени укоренены в советском обществе и особенно давали о себе знать при возникновении новых угроз советскому социальному порядку: Венгерское восстание 1956 г., разгул преступности в середине 1950-х, массовые беспорядки, подъем религиозности во второй половине 1950-х и т.п.

Указ от 4 мая 1961 г. стал результатом парадоксального смешения и наложения вышеперечисленных трендов. С одной стороны, выселение как мера в отношении «злостных тунеядцев», внесудебный/квазисудебный характер процедуры, использование указа как инструмента чистки городов и преследования конкретных групп (проститутки, «сектанты» и т.д.) выглядели явным анахронизмом и отражали репрессивные взгляды Н.С. Хрущева периода сталинизма⁶. С другой стороны, принудительное включение выселенных в рабочие коллективы и воспитательная работа с ними должны были сделать из них активных строителей коммунизма с соответствующей моралью. Далее мы проанализируем положение высе-

⁴ Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года “Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими анти-общественный паразитический образ жизни”» от 20 сентября 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 38. С. 737–739. Выселение «тунеядцев», в том числе в Красноярский край, продолжалось вплоть до 1970 г., когда выселение как мера было полностью исключено. При этом значительное уменьшение количества выселенных в 1965–1970 гг., а также отсутствие интереса политического руководства страны к указу как инструменту социального контроля привели к практически полному отсутствию в изученных нами архивных фондах документов, относящихся к реализации указа в 1965–1970 гг.

⁵ Подробный анализ различных трендов представлен в работах: Зубкова Е.Ю. Нормы и практики контроля над уголовной преступностью в СССР: тенденции «оттепели» // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 128–138; Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества... С. 101–118.

⁶ В январе 1945 г. Н.С. Хрущев, выступая на совещании во Львове, заявлял: «Нужно очищаться нам от кулаков, попов и торговцев. Давайте будем выселять. Нужно не либеральничать с ними» (Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 116). О репрессивных инициативах Хрущева 1948 г. по выселению лиц, ведущих «антиобщественный паразитический образ жизни», см.: Lévesque J. Exile and Discipline: The June 1948 Campaign Against Collective Farm Shirkers. Pittsburgh, 2006.

ленных «тунеядцев» через оппозицию «изоляция/интеграция», детализируя реализацию данных стратегий, при этом учитывая изменения в правоохранительной сфере, специфику различных категорий выселенных и другие факторы.

Нормативные основы и количество выселенных. Совет Министров РСФСР утвердил Красноярский край одним из шести регионов, куда подлежали выселению «тунеядцы»⁷. Чуть позднее МВД РСФСР определило список регионов, с территории которых выселенные лица направлялись на поселение в Красноярский край. Список состоял из двадцати регионов европейской и центральной частей РСФСР, включая Москву и Московскую область⁸.

Выселенные «тунеядцы» начали прибывать в Красноярский край в первой половине июня 1961 г.⁹ В первое время процесс расселения осложнялся отсутствием нормативных документов краевого уровня, определяющих районы поселения и отрасли народного хозяйства для трудоустройства выселенных граждан, в результате чего руководящим органам некоторых районов не было известно о планируемом направлении к ним выселенных и не имелось возможности заранее заняться вопросами их размещения и трудоустройства¹⁰.

Лишь в начале июля 1961 г. исполком Красноярского крайсовета своим решением определил районы для расселения, а также отрасли хозяйства для трудоустройства выселенных¹¹. Для расселения были определены 33 района края (поселение «тунеядцев» в городах исключалось) и следующие отрасли: совхозы, цветная металлургия, лесная промышленность, геология, рыбная промышленность, строительство и ремонт дорог. Однако для нас в данном решении исполкома более интересна предполагаемая численность поселенцев. В течение 1961–1962 гг. предполагалось расселить в крае 2 265 чел. Данная цифра составлена на основе заявок и писем, полученных краевым УВД от различных управлений и районов, в которых сообщалось, какое количество выселенных граждан возможно принять и трудоустроить в том или ином районе или организации. По всей видимости, на представлении краевых властей о предполагаемой численности выселенных также сказалась практика более ранней ссылки в край различного «спецконтингента». По данным краевого УВД, на 1 марта 1961 г. в крае отбывали ссылку 2 520 чел. (684 чел. «уголовного элемента», 883 чел. бродяг и 953 чел. спецпоселенцев и пр.)¹². С апреля 1959 г. по 1 марта 1961 г. в край прибыло 1 092 ссыльных, из них 461 человек поступил за период с октября 1960 г. Таким образом, ожидаемая численность прибывающих «тунеядцев» была примерно сопоставима с динамикой ссылки в край, характерной для конца 1960 – начала 1961 г.

Реальная численность выселенных граждан оказалась значительно выше ожидавшейся. По данным на конец ноября 1961 г., за неполные семь месяцев действия указа в Красноярский край было выселено 3 722 чел.¹³ Всего же за четыре года, по состоянию на июнь 1965 г., в край прибыло 9 511 выселенных «тунеядцев»¹⁴. Большая часть из этого числа, а именно

⁷ Социальные маргиналы как объект государственной политики... С. 590. Как видно из данного документа, под «специально отведенными местностями» Совмин РСФСР понимал удаленные регионы России.

⁸ Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // Центральный архив МВД России (ЦА МВД России). Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 1. В начале 1962 г., пытаясь уменьшить количество людей, выселяемых в Красноярский край, МВД РСФСР сократило список регионов до одного, оставив лишь Москву (Приказ МВД РСФСР № 051 от 25 января 1962 г. // ЦА МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 106. Л. 137). По всей видимости, в дальнейшем этот список также корректировался, однако этот аспект невозможно детально проанализировать ввиду недоступности для исследователей большей части документации МВД РСФСР.

⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198. Л. 28–54.

¹⁰ Социальные маргиналы как объект государственной политики... С. 621.

¹¹ Решение исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся № 469 от 1 июля 1961 г. «О расселении и трудоустройстве лиц, высланных по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года» (ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 2039. Л. 222–223). Хотя само решение датируется 1 июля, разработка приложения к нему, в котором приводился список районов и организаций для приема и трудоустройства поселенцев, по всей видимости была закончена лишь к середине июля. Приложение к решению и материалы, касающиеся его подготовки, представлены в ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 204. Л. 142–156.

¹² ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 204. Л. 12.

¹³ Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 626.

¹⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 69.

7 297 чел., была выселена в первые два года действия указа¹⁵. Основным «поставщиком» «тунеядцев» в Красноярский край была Москва: из 9 511 выселенных москвичи составляли 5 422 чел.¹⁶ К сожалению, мы не располагаем статистикой по категориям выселенных за исключением лиц, выселенных за принадлежность к нелегальным религиозным сектам (данная категория далее будет проанализирована отдельно). Проблемы с выселенными, о которых будет сказано ниже, были обусловлены не только их большим количеством, но и спецификой прибывающего «спецконтингента». Как отмечали краевые партийные органы, «в числе прибывших многие до выселения были неоднократно судимы, хронические алкоголики, наркоманы, проститутки, религиозники-сектанты и т.п.»¹⁷.

Правовой режим и организация надзора. Выселение как мера воздействия по отношению к «злостным тунеядцам» предполагало ведущую роль органов милиции в ее реализации, что противоречило оттепельному тренду на депрофессионализацию правоохранительной сферы и уменьшению численности сотрудников внутренних дел, однако передать общественности функции конвоирования, распределения, организации учета и надзора по месту поселения было невозможно. Следствием этого являлось отношение к «тунеядцам» со стороны милиции фактически как к уголовным преступникам и знакомство выселяемых с не самыми приятными элементами правоохранительной системы – КПЗ, тюрьмами, долгим этапированием и почти обыденным нарушением гражданских прав, хотя выселение определялось как мера «административного воздействия»¹⁸. МВД РСФСР пыталось выделять выселяемых в отдельную категорию и предотвратить взаимодействие «тунеядцев» с преступниками, предписав «при конвоировании и временном содержании в КПЗ милиции и тюрьмах выселяемых лиц размещать отдельно от заключенных»¹⁹, однако это было трудно реализуемо на практике²⁰.

Ввиду слишком большого количества прибывающих в Красноярский край «тунеядцев» УВД оказалось не способно оперативно распределять их в районы, что привело к переполненности красноярской тюрьмы и созданию для поселенцев нечеловеческих бытовых условий. Так, в камере, оборудованной в подвальном коридоре тюрьмы без окон и вентиляции, на 24 июля 1961 г. содержались 26 человек, которые были вынуждены периодически поливать пол водой, чтобы освежить воздух. В той же камере из-за отсутствия мест на нарах 10 человек были вынуждены размещаться на сыром полу. Многие люди ожидали распределения в таких условиях месяц и более. Также нетривиальным образом решалась в тюрьме проблема контроля над выселенными, надзирать за которыми был поставлен заключенный, осужденный за уголовное преступление. Такие условия, естественно, вызывали негативную реакцию со стороны выселенных: так, 28 сентября 1961 г. 140 «тунеядцев» отказались от приема пищи в знак протеста против неправильного к ним отношения²¹.

Теперь остановимся на обязанностях и ограничениях, составляющих правовой режим в местах поселения. Три основных обязательства выселенных, определенные Советом Министров РСФСР, включали в себя: 1) занятие общественно полезным трудом; 2) ежедневное прохождение регистрации в органах милиции; 3) информирование органов милиции в течение трех суток в случае смены места работы или проживания. В случае отказа заниматься общественно полезным трудом по решению суда назначались исправительные работы с удержанием 10 % заработка, в случае уклонения от исправительных работ действия поселенца подпадали под действие статьи 28 УК РСФСР, предполагающей лишение

¹⁵ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

¹⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 69.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 584.

¹⁹ Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // ЦА МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 4.

²⁰ Так эту проблему описывал журналист: «Из зала суда тунеядца отправляют в пересыльную тюрьму, где он оказывается в “теплой” компании уголовников. Во время пребывания в тюрьме и по пути к месту поселения (а путь не такой уж короткий) они терпеливо, “по-дружески” поучают его, как вести себя на новом месте, стараются увлечь воровской “романтикой”» (Иванов В. И вот тунеядцев выселили... // Молодой коммунист, 1964. № 4. С. 99).

²¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 36. Л. 501–502; Д. 7. Л. 91.

свободы. Также выселенным запрещалось без санкции милиции отлучаться из населенного пункта проживания более чем на трое суток и выезжать за пределы административного района. Выезд за пределы района без разрешения милиции предусматривал ответственность согласно статье 186 УК РСФСР. При этом важно отметить, что нормативными актами не было предусмотрено изъятие паспортов у выселенных граждан.

Полноценный учет и надзор за выселенными лицами предполагали довольно большие издержки со стороны органов милиции. Спецкомендатуры, организованные в 1940-е гг. для надзора за спецпоселенцами, к концу 1950-х гг. перестали существовать, и надзор за оставшимися спецпоселенцами и другим «спецконтингентом» был передан горрайотделам милиции. При принятии Указа от 4 мая 1961 г. ПВС РСФСР предполагал, что МВД в местах поселения создаст комендатуры для учета и контроля за выселенными. Спустя месяц Совет Министров РСФСР определил, что контроль за выселенными будет осуществляться участковыми уполномоченными или создаваемыми в необходимых случаях комендатурами²². Точку поставило МВД РСФСР, своим приказом определившее ответственными за надзор за поселенцами горрайорганы милиции, даже не упомянув вопрос о создании комендатур²³. Наиболее типичной оказалась ситуация, при которой функции надзора выполнял участковый уполномоченный, для которого это была работа по совместительству. Ситуация усугублялась огромной территорией Красноярского края и его районов, географической разбросанностью поселенцев внутри районов и плохой транспортной доступностью многих поселений, что в некоторых ситуациях приводило к невозможности посещения выселенных лиц работниками милиции. При этом общественность, партийные и другие руководители на местах зачастую старались дистанцироваться не только от вопросов, связанных с надзором за выселенными, но и от проблем с трудоустройством. Также бытовало мнение, что даже перевоспитанием выселенных должны заниматься органы милиции²⁴. Естественным образом такая организация надзора вызывала множество нареканий со стороны проверяющих лиц на всем протяжении изучаемого периода.

Особенности организации надзора, указанные выше, привели к неспособности органов милиции обеспечить адекватный контроль за выселенными. Основные проблемы, обозначенные проверяющими инстанциями, а также журналистами, можно свести к двум пунктам: первый – несоблюдение порядка ежемесячного прохождения регистрации; второй – слабый контроль за местонахождением выселенных и их трудоустройством, в большей степени по вине работодателей, зачастую не считавших нужным сообщать милиции об отсутствии выселенного на рабочем месте или его увольнении²⁵. Прокурорская проверка органов милиции, проведенная в конце 1965 г., выявила массу нарушений в организации надзора за выселенными даже там, где их число было незначительным. Как отмечал краевой прокурор, «в Таймырском окротделе милиции на учете состоит всего 49 выселенных тунядцев, из них не прошли очередную регистрацию в 1965 году 11 человек. <...> На числящихся на поселении тунядцев Свириденко, Кузнецова и Теплоухова в окротделе даже не заведены регистрационные карточки. Работники окротдела милиции не знают, где, на каких предприятиях работают выселенные тунядцы»²⁶. Это приводило к тому, что многие выселенные лица без ведома милиции выезжали из районов расселения, посещали города края, а многие

²² Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 591.

²³ Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // ЦА МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–5.

²⁴ Так, на вопрос корреспондента газеты «Советская Россия» председателю Ужурского горисполкома о том, как они участвуют в перевоспитании «тунядцев», последовал ответ: «У нас этим занимается милиция» (Попов К. Ничейные тунядцы // Советская Россия. 1963. 11 авг. С. 2). Отношение к выселенным со стороны районных руководителей хорошо иллюстрируют следующие слова, которые приводит корреспондент «Комсомольской правды»: «При чем здесь какие-то московские прощелыги? И вообще при чем здесь я? У меня и своих дел по горло» (Ходанов А. Орфей спускается в рай // Комсомольская правда. 1963. 23 авг.).

²⁵ Иванов В. И вот тунядцев выселили... С. 100.

²⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3574. Л. 351.

улетали в Москву²⁷. Не всегда это оставалось безнаказанным: так, за 1965 г. 90 человек из числа выселенных были привлечены к уголовной ответственности за побег²⁸.

Трудоустройство. Архитекторами борьбы с «тунеядством» труд рассматривался как лекарство, средство для перевоспитания человека. Как отмечал высокопоставленный работник органов внутренних дел, «высылать тунеядцев в отдаленные места нужно для того, чтобы, работая в трудных условиях, но обязательно в крепком коллективе, они и перевоспитывались бы»²⁹. Красноярский крайисполком обязали обеспечить трудовое устройство выселенных, а также совнархозы были обязаны трудоустраивать выселенных на подведомственных предприятиях³⁰. На практике Красноярский совнархоз отказался трудоустраивать выселенных, ссылаясь на отсутствие потребности в рабочей силе в районах расселения³¹, а попытки краевого УВД воздействовать на совнархоз через крайком и крайисполком не увенчались успехом³². Однако, кроме этих крайне общих обязательств в отношении исполкома и совнархоза, не был определен специальный порядок трудоустройства выселенных, в результате единственной нормативной основой их трудоустройства было общегосударственное трудовое законодательство.

Вопросы трудоустройства почти полностью легли на плечи милиционеров, вынужденных напрямую обращаться в близлежащие организации с просьбами принять на работу выселенных³³. В ряде случаев руководители наотрез отказывались брать на работу «тунеядцев», считая, что комплектование организации «лентяями и лоботрясами» плохо скажется на показателях³⁴. В других случаях работодатели, трудоустраивая людей, не озадачивались созданием для них адекватных бытовых условий, вынуждая увольняться либо стараясь уволить под любым предлогом³⁵. Также встречались ситуации трудоустройства «тунеядцев» в организации, где их перевоспитание было невозможно либо по причине текучести кадров и слабой трудовой дисциплины, либо ввиду отправки большой группы поселенцев в малые трудовые коллективы, где уже сами «тунеядцы» начинали перевоспитывать коренных работников³⁶. Определенную часть «тунеядцев», в свою очередь, также не интересовал поиск работы ввиду принципиального нежелания работать либо из-за алкоголизма, либо в связи со своими религиозными убеждениями.

Социально-бытовые условия. Совет Министров РСФСР обязал Красноярский крайисполком обеспечить, помимо прочего, жилищно-бытовое устройство выселенных лиц. Крайисполком, в свою очередь, ретранслировал данное обязательство окружным и районным исполкомам, а также отраслевым управлениям. На практике это осложнялось дефицитом жилья, пригодного для проживания, который в изучаемый период носил хронический характер. На жилье претендовали люди, прибывающие в край по оргнабору либо по комсомольским путевкам, а также переселяющиеся военнотруженики и работники оборонных объектов. В сложившейся иерархии переселенцев «тунеядцы» занимали второстепенное место и обеспечение их жильем зачастую происходило по остаточному принципу.

Насколько можно судить по отчетам из различных районов, большую часть выселенных с трудом, но удавалось обеспечить жильем. Поселенцы в большинстве проживали

²⁷ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 11. Также см.: Ходанов А. Орфей спускается в рай...

²⁸ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3574. Л. 353. При этом принцип «социалистической законности» предъявлял строгие требования к процедуре привлечения выселенного к уголовной ответственности за побег по ст. 186 УК РСФСР. Так, по данной статье в 1965 г. к 6 месяцам лишения свободы был осужден гражданин Абрамов, однако судебная коллегия краевого суда отменила данный приговор, так как не был доказан умысел Абрамова на побег (ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 13. Д. 539. Л. 155–156).

²⁹ Петров С. Тунеядец просит лопату // Комсомольская правда. 1964. 21 окт.

³⁰ Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 633.

³¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 70.

³² Там же. Д. 53. Л. 82.

³³ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3523. Л. 21–22; Попов К. Ничейные тунеядцы // Советская Россия. 1963. 11 авг. С. 2.

³⁴ Ходанов А. Седьмое небо тунеядца // Комсомольская правда. 1962. 29 авг.

³⁵ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 87; Филипов Н. Труд исправляет // Красноярский рабочий. 1962. 15 сент.

³⁶ Иванов В. И вот тунеядцев выселили... С. 100–101.

в общежитиях, коммунальных квартирах, некоторые подсеялись в частные дома и квартиры³⁷. При этом на всем протяжении рассматриваемого периода встречались случаи размещения выселенных в помещениях, непригодных для проживания или находящихся в неудовлетворительном состоянии. В Туруханском районе группу из 22 «туняйцев» разместили в бывшем помещении детсада, находящемся в антисанитарном состоянии, при этом в доме отсутствовали нары и плита для приготовления пищи³⁸. В ряде других районов фиксировались случаи проживания выселенных в свинарниках, конюховках, сторожках и других нежилых помещениях³⁹. Изредка выселенных и вовсе оставляли без жилья: так, по информации краевого прокурора, в «Октябрьском совхозе Усть-Абаканского района трое выселенных не имеют постоянного жилья и ночуют где придется. В Бирилюсском районе выселенные туняйцы за отсутствием жилья вынуждены в летнее время ночевать на фермах, сеновалах и т.д.»⁴⁰.

В первые месяцы реализации указа многие поселенцы прибывали в районы поселения в летней одежде, в которой были задержаны, так как работники милиции незаконно лишали их возможности взять с собой необходимый запас бытовых принадлежностей и одежды. Например, колхозу им. Сталина в Енисейском районе пришлось приобретать обувь и одежду для группы выселенных женщин, чтобы иметь возможность их трудоустроить⁴¹.

Жилищно-бытовые условия и возможности их улучшения зависели во многом от самих выселенных, от их желания, возможности и умения находить работу и выстраивать неконфликтные отношения с работодателем и местным сообществом. Базовыми необходимыми условиями для создания относительно благоприятных бытовых условий были трудоустройство и получение приемлемой оплаты труда. Ввиду ряда проблем с трудоустройством, о которых говорилось выше, большая часть выселенных не могла рассчитывать на постоянный источник дохода. При этом можно встретить примеры, когда поселенцы благополучно устраивались на работу, перевозили семьи или создавали семью в местах поселения, приобретали или арендовали дома, обустраивали подсобное хозяйство⁴², часть поселенцев после окончания срока выселения оставалась жить в крае. Также определенную роль играла поддержка (или ее отсутствие) со стороны родственников выселенных, которые помогали либо денежными переводами, либо посылками с вещами и продуктами, количество которых не ограничивалось.

Одной из основных причин, определявших сложности выселенных с трудовым и бытовым устройством, пренебрежительное отношение со стороны местного населения и высокие показатели правонарушений, была высокая доля лиц с алкогольной зависимостью. Алкоголики оказались легкой мишенью при реализации указа – по данным Министерства юстиции РСФСР, 60 % лиц, подвергнутых выселению, систематически пьянствовали⁴³. Эта проблема стала явной уже к июлю 1961 г., поэтому министр юстиции РСФСР заявлял о необходимости организовать лечение алкоголиков в местах поселения и принять меры к ограничению в этих местах потребления спиртных напитков⁴⁴. Несмотря на понимание проблемы, конкретных мер по ее решению предпринято не было. Масштаб проблемы можно оценить по отчету из Ирбейского района, согласно которому из 54 человек, находящихся на поселении на февраль

³⁷ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 6–7; Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3016. Л. 24, 40.

³⁸ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198. Л. 36.

³⁹ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 6; ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 87.

⁴⁰ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3574. Л. 353.

⁴¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198. Л. 30; Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 620.

⁴² Например, в Ирбейском районе высланный из Московской области мужчина женился на жительнице села Яркуль и купил дом (ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 8). Также примеры относительно благополучного устройства в местах поселения можно найти в воспоминаниях выселенных из Московской области баптистов: Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик. Б/м, 2005; Рыжук В.Ф. Испытание веры. Б/м, 2012.

⁴³ Социальные маргиналы как объект государственной политики... С. 613.

⁴⁴ Там же. С. 616. Чуть позже, в сентябре 1961 г., Совмин РСФСР обязал Министерство здравоохранения РСФСР представить предложения по организации лечения от алкоголизма в местах поселения (Там же. С. 625).

1964 г., 20 человек являлись алкоголиками и нуждались в принудительном лечении⁴⁵. Если в местах постоянного жительства родственники могли хотя бы пытаться удержать человека от употребления алкоголя, то в местах поселения «тунеядцы» оказывались в ситуации неограниченного доступа к алкоголю при отсутствии сдерживающих факторов⁴⁶. Распространенность алкоголизма среди выселенных имела ряд последствий – снижение производительности и дисциплины труда, оскорбления и избиения местных жителей, нарушения общественного порядка, совершение краж (часто для того, чтобы иметь средства для покупки алкоголя)⁴⁷. Встречались и более трагические ситуации: в Аскизском районе двое поселенцев, находясь в нетрезвом состоянии, обморозили ноги и получили инвалидность второй степени⁴⁸. В Енисейском районе 12 человек умерли от употребления мебельного лака (суррогата алкоголя), четверо из них были выселенными «тунеядцами»⁴⁹. В Ирбейском районе поселенец, освободившись и купив билет на самолет, напился в компании друзей и задохнулся рвотными массами⁵⁰.

Положение выселенных «сектантов». Специфической категорией выселенных, учет которых вели как партийные органы, так и органы госбезопасности, были представители нелегальных религиозных сект. По данным крайкома партии, на июль 1964 г. в Красноярский край на основании указа было выселено 490 верующих⁵¹. Большую часть выселенных сектантов составляли истинно-православные христиане (ИПХ)⁵², остальную часть – пятидесятники, евангельские христиане-баптисты, иеговисты и т.д. Сторонники репрессивно-изоляционистской линии борьбы с религией рассматривали указ о тунеядстве как эффективный инструмент для прекращения деятельности нелегальных сект. Однако выселение большого количества верующих, часть из которых имела опыт руководства религиозными общинами, привело к значительной активизации религиозной жизни в местах поселения. Как только верующие осваивались на новом месте жительства, они начинали налаживать связи с единоверцами из местных жителей, включаясь в деятельность уже существующих активных общин либо создавая новые группы⁵³. Приобщение к религии местных жителей поселенцами вызывало особую обеспокоенность со стороны властей. Встречались случаи, когда под влиянием ИПХ местные жители сжигали свои комсомольские и профсоюзные билеты⁵⁴ и, отказываясь от пенсии, сдавали в органы социального обеспечения свои пенсионные книжки⁵⁵. Серьезную проблему для властей представляли выселенные баптисты-

⁴⁵ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 7.

⁴⁶ Корреспондент «Комсомольской правды» приводит письмо отца, сына которого выселили из Москвы «за беспорядное пьянство». Отец рассчитывал, что в суровых условиях поселения сын вынужден будет избавиться от порока, однако и там он продолжил пьянствовать. (Эдлис Ю. Рассуждение о тунеядцах // Комсомольская правда. 1964. 2 дек.).

⁴⁷ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 10; НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3016. Л. 36; Д. 3017. Л. 132–133.

⁴⁸ Там же. Д. 3016. Л. 23.

⁴⁹ ГАКК. Ф. П-55. Оп. 40. Д. 5. Л. 41–42.

⁵⁰ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 8.

⁵¹ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 2. Д. 36. Л. 178. Данная цифра представляется реалистичной, так как, по данным краевого УКГБ, на июнь 1963 г. количество выселенных по указу сектантов составляло 404 человека, включая 41 жителя Красноярского края (ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153). При этом данные об общем количестве выселенных в РСФСР верующих разнятся. СДРК при СМ СССР приводит данные о 351 выселенном (Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы. Религиозные диссиденты: документы и материалы. Новосибирск, 2015. С. 86). Исследователь С.А. Чарный оперирует числом в 165 человек, но не приводит источник этих данных (Чарный С.А. Религиозная политика советских властей в период «оттепели» // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М., 2016. С. 446). Учитывая, что в целом по указу в край было выселено около 25 % «тунеядцев», общая численность выселенных сектантов должна быть значительно выше той, которую приводит СДРК.

⁵² Краевое УКГБ на июнь 1963 г. насчитывало 266 ИПХ (ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153). Уполномоченный по делам религиозных культов вел параллельный учет последователей ИПХ в крае, и по его данным на начало 1963 г. таковых было 314 человек (ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 149. Л. 10).

⁵³ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2936. Л. 5; ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 154; Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик... С. 7–11; Рыжук В.Ф. Испытание веры... С. 35–48.

⁵⁴ ГАКК. Ф. П-6830. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.

⁵⁵ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153.

инициативники. Они не только писали множество писем в верховные органы власти, требуя прекратить репрессии против верующих, доказывая, что в местах высылки «умышленно делается все для лишения жизни высланных религиозников»⁵⁶, но и из местных верующих старались воспитать религиозных диссидентов. Так, высланный баптист Василий Козлов требовал от верующих «смелее сеять Священное Писание и нести правду в народ, не боясь притеснений властей, так как народу надоело слушать пропаганду коммунистов по радио и газетам и... люди жаждут услышать нашу истину»⁵⁷.

На наш взгляд, наиболее пострадавшей от указа конфессиональной группой были ИПХ. В отличие от других деноминаций, религиозные установки ИПХ не позволяли им трудоустроиться в советские организации, что значительно ограничивало их возможности улучшать свои бытовые условия. Также из-за отказа от трудоустройства ИПХ часто привлекали к ответственности по статье 28 УК РСФСР. Так, в Енисейске и Енисейском районе из 117 высланных ИПХ стали работать только восемь, а «остальные по 3–4 раза побывали в тюрьме за отказ от работы, но и это оказалось бесполезным»⁵⁸. Это приводило к парадоксальным ситуациям, когда верующие, высланные в административном порядке, проводили больше времени в местах лишения свободы, чем в месте поселения⁵⁹. Разочаровавшись в возможности исправления ИПХ имеющимися методами, краевые власти предлагали либо создать для них специальные трудовые колонии или поселки⁶⁰, либо на весь оставшийся срок высылки отправить их в исправительно-трудовые лагеря⁶¹. Данные инициативы не получили реализации, а уже летом 1964 г. началось сворачивание хрущевской антирелигиозной кампании, что позитивно сказалось на положении высланных верующих. Хотя изменение религиозной политики не привело к реабилитации и досрочному возвращению ИПХ из мест высылки (в отличие, например, от баптистов), тем не менее власти отказались от практики уголовного преследования ИПХ за отказ от трудоустройства в советские учреждения.

«Тунеядцы» и уголовная преступность. Указ о тунеядстве должен был стать инструментом профилактики преступлений и привести к снижению их количества. Однако в случае Красноярского края реализация указа имела противоположный эффект. Прибытие в край большого количества «тунеядцев» стало одним из факторов роста преступности⁶². По данным партийных органов, за 1961–1963 гг. к судебной ответственности были привлечены 2693 поселенца, из них 218 человек – за уголовные преступления⁶³. Также руководители края считали высланных виновными в вовлечении местных жителей в преступную деятельность и «разлагающем» влиянии на молодежь⁶⁴. Высокие показатели правонарушений среди высланных можно объяснить как характеристикой самих нарушителей – многие ранее имели судимости, страдали алкоголизмом, так и внешними факторами – слабостью административного надзора, проблемами с трудоустройством, неограниченным доступом к алкоголю. При этом изначально дизайн административно-правового режима в местах поселения, предполагающий уголовную ответственность за его нарушение, заложил потенциал для превращения административно высланных граждан в уголовных преступников. Отказ от «общественно полезного» труда советским законодательством не классифицировался как преступление, однако в правовой ситуации высылки те же самые действия уже становятся уголовно наказуемыми.

Заключение. Указ от 4 мая 1961 г. пытался соединить архаичную и репрессивную по своей сути идею о необходимости высылки «злых тунеядцев» с концепцией их перевоспитания общественностью посредством принудительного включения в трудовые

⁵⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213. Л. 59.

⁵⁷ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 154.

⁵⁸ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213. Л. 59.

⁵⁹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3103. Л. 10–11.

⁶⁰ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153.

⁶¹ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213. Л. 59.

⁶² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1968. № 11. С. 2.

⁶³ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

⁶⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 69. ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 2. Д. 1. Л. 95–101.

коллективы по месту поселения, а также с принципами «социалистической законности». Как показывает наш анализ, реализовать стратегию реинтеграции и сделать из «тунеядцев» строителей коммунизма не удалось. Несмотря на многолетнюю разработку указа, отсутствовала продуманная система адаптации и перевоспитания поселенцев, особый порядок их трудоустройства, лечения от алкоголизма и т.д. Общественность и руководители на местах зачастую старались дистанцироваться от вопросов, связанных с выселенными, стремясь всю работу, включая воспитательную, переложить на органы милиции.

Реализация стратегии изоляции посредством выселения также имела свою специфику и пределы. Органам милиции не удалось обеспечить должный уровень административного надзора за выселенными, в результате чего многие «тунеядцы» продолжали в местах поселения заниматься той же «антиобщественной» деятельностью, за которую были выселены. Поэтому нередко местное население и представители власти рассматривали такую степень изоляции как явно недостаточную и требовали для выселенных ужесточения режима.

На наш взгляд, сложившиеся условия в местах поселения привели к развитию определенной формы изоляции поселенцев, а именно к интенсификации процессов социальной маргинализации и еще большему выталкиванию «тунеядцев» на периферию советского общества. Этому способствовала социальная стигматизация людей, на которых навешивали ярлык «тунеядцев», их вырывание из привычного социального окружения, знакомство с уголовным миром во время пребывания в КПЗ, тюрьмах и в период этапирования, ухудшение социально-бытовых условий и ограничение возможностей трудоустройства, а вместе с этими факторами неограниченный доступ к алкоголю людей с зависимостью и специфический дизайн административно-правового режима превращали места поселения в «инкубатор» уголовных преступников.

Литература

Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118.

Зубкова Е.Ю. Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 26–35.

Зубкова Е.Ю. Нормы и практики контроля над уголовной преступностью в СССР: тенденции «оттепели» // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 128–138.

Крушанова Л.А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сборник научных статей. Владивосток, 2014. С. 122–128.

На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. / сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: РОССПЭН, 2010. 816 с.

Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик. Б/м: Baptist International Evangelistic Ministries, 2005.

Рыжук В.Ф. Испытание веры. Б/м, 2012.

Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2008. С. 219–254.

Чарный С.А. Религиозная политика советских властей в период «оттепели» // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 415–458.

Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы. Религиозные диссиденты: док. и материалы / Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН, Center for Mennonite Brethren Studies, Fresno Pacific University; сост. и науч. ред. А.И. Савин. Новосибирск: Посох, 2015. 559 с.

Gorlizki Y. After the XXth Congress: Liberalization and the Problem of Social Order // *Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State*. Toronto, 2023. P. 237–262.

Lévesque J. *Exile and Discipline: The June 1948 Campaign Against Collective Farm Shirkers*. Pittsburgh: Carl Beck Papers. 2006. 51 p.

Tolmachev V. “From rhetoric to practice: Drafting and implementation of the Soviet “anti-parasite” legislation in its socio-economic, legal, ideological and cultural contexts”. Master’s Thesis, University of Nottingham, 2015.

References

Charnyy, S.A. (2016). Religioznaya politika sovetских vlastey v period “ottepeli” [Religious Policy of the Soviet Authorities during the “Thaw”]. In *Posle Stalina. Reformy 1950-kh godov v kontekste sovetской i postsovetской istorii: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 415–458.

Fitzpatrick, Sh. (2008). Parazity obshchestva: kak brodyagi, molodye bezdel’niki i chastnye predprinimateli meshali kommunizmu v SSSR [Social Parasites: How Tramps, Idle Youth, and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism]. In *Sovetskaya sotsial’naya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985*. Moscow, pp. 219–254.

Gorlizki, Y. (2023). After the 20th Congress: Liberalization and the Problem of Social Order. In *Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State*. Toronto, pp. 237–262.

Krushanova, L.A. (2014). Zakon o “tuneyadtsakh” 1961 g. i ego realizatsiya na Dal’nem Vostoke [The Law “On Parasites”, 1961, and Its Realization in the Far East]. In *Sovetskiy Dal’niy Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi: sbornik nauchnykh statey*. Vladivostok, pp. 122–128.

Lévesque, J. (2006). *Exile and Discipline: The June 1948 Campaign Against Collective Farm Shirkers*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh. 51 p.

(2005). *Put’ ne ukrashen tsvetami. Petr, Pavel i Lyuba Rumachik* [The Way isn’t Decorated with Flowers. Pyotr, Pavel and Lyuba Rumachik]. Baptist International Evangelistic Ministries.

Ryzhuk, V.F. (2012). *Ispytanie very* [Test of Faith].

Savin, A.I. (2015). Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1940–1980-e gody. Religioznye dissidenty: dok. i materialy [Ethnoconfession in the Soviet State. Mennonites of Siberia in the 1940s–1980s. Religious Dissidents: Documents and Materials]. Novosibirsk, Posokh. 559 p.

Tolmachev, V. (2015). “From rhetoric to practice: Drafting and implementation of the Soviet “anti-parasite” legislation in its socio-economic, legal, ideological and cultural contexts”. Master’s Thesis, University of Nottingham. 264 p.

Zubkova, E.Yu. (2009). Na “krayu” sovetskogo obshchestva. Marginal’nye gruppy naseleniya i gosudarstvennaya politika. 1940–1960-e gody [On the Margins of Soviet Society. Marginal Social Groups and the State Policy, 1940s–1960s]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 101–118.

Zubkova, E.Yu. (2018). Prinuditel’naya “trudoterapiya” v SSSR: mezhdru GULAGom i “bol’shoi khimiei” [Forced “Occupational Therapy” in the USSR: Between the Gulag and “Big Chemistry”]. In *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental’nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 3, pp. 26–35.

Zubkova, E.Yu. (2020). Normy i praktiki kontrolya nad ugolovnoy prestupnost’yu v SSSR: tendentsii “ottepeli” [Norms and Practices of the Control over Criminal Offences in the USSR: Tendencies of the “Thaw”]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istorika*. No. 3, pp. 128–138.

Zubkova, E.Yu., Zhukova, T.Yu. (2010). Na “krayu” sovetskogo obshchestva. Sotsial’nye marginaly kak ob’ekt gosudarstvennoy politiki. 1945–1960-e gg. [On the “Edge” of Soviet Society. Social Marginals as an Object of State Policy, 1945–1960s]. Moscow, ROSSPEN. 816 p.